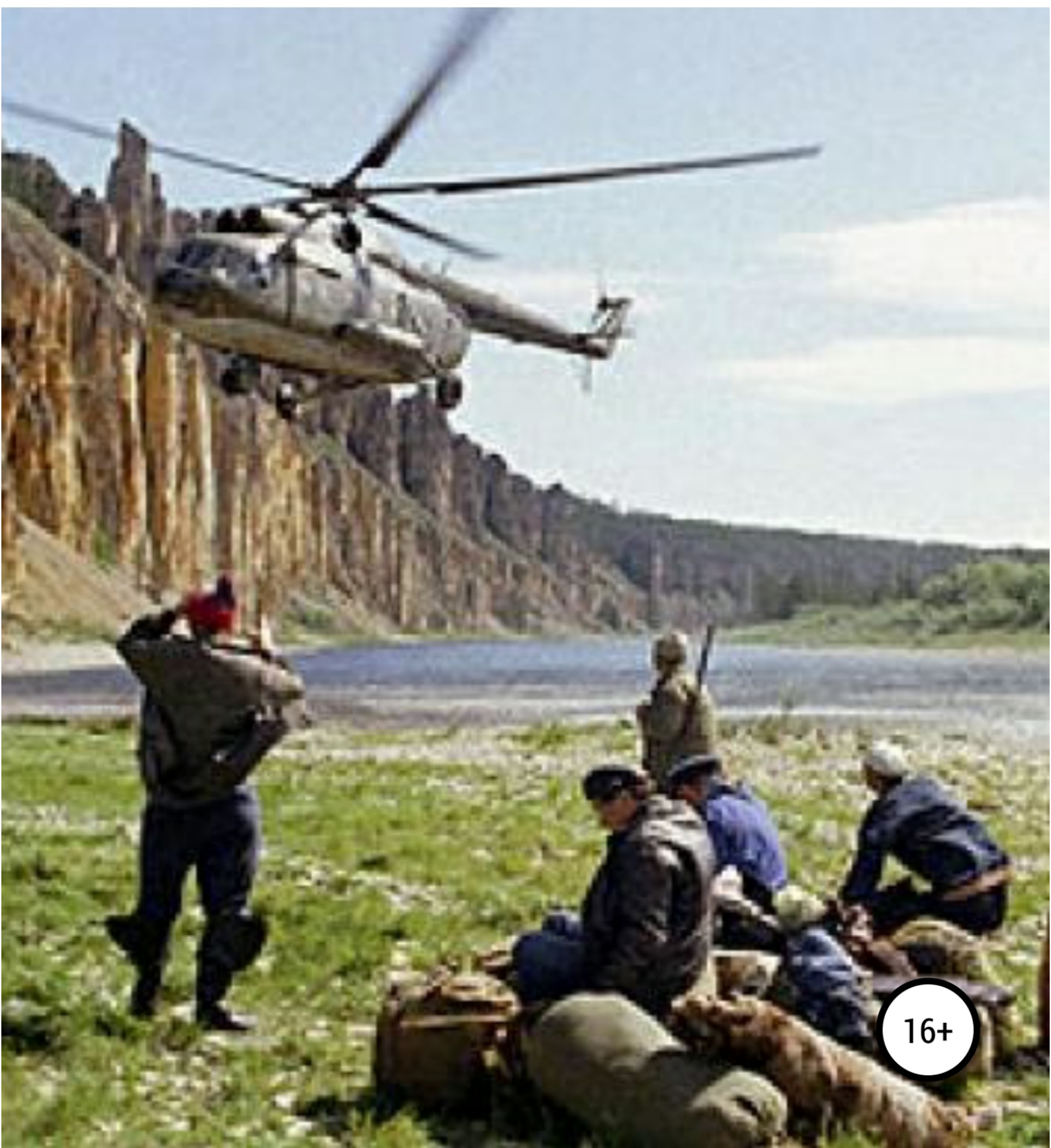

Анатолий Музис

Рассказы геолога

16+

Анатолий Музис

Рассказы геолога

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Музис А.

Рассказы геолога / А. Музис — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборнике собраны рассказы и повести автора о работе, быте и приключениях геологов в заполярной Якутии (на Колыме), Забайкалье и Алтае. Фотографии взяты из коллекций автора и его коллег - Александра Миледина, Геннадия Иванова, Александра Арефьева, Дмитрия Израйловича, Бориса Шарковского и Валерия Истомина.

© Музис А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Рассказы геолога
Колымские повести

(трилогия)

ВПЕРЕД! СЛАВЯНЕ!

Глава 1.

Нюкжин стоял на берегу Ясачной и заворожено смотрел, как под ногами шевелилось, кряхтело, с шорохом терлось о землю белое шершавое чудовище, похожее на гигантскую змею. Оно настырно ползло вверх по реке, что уже само по себе казалось противоестественным.

Весна на северных широтах еще не набрала силу. Вокруг Зырянки лежал снег, а с гор порывами налетал по-зимнему холодный ветер. Но солнце грело. Речной лед четыре дня назад стал серым, ноздреватым. Позавчера появились трещины и полыньи. А сегодня грязно-серое поле вдруг пришло в движение и медленно двинулось вниз по Колыме, раскалываясь на отдельные куски.

Ледоход

Но у Средне-Колымска лед еще не тронулся. Он, как плотина, поднимал уровень воды, загоняя ее в притоки. И вот, Нюкжин стоит и смотрит, как льдины на Ясачной движутся вспять! Да, да! В самом прямом смысле – против течения!

Нюкжин тревожно поглядывал на отметки водомера. До бровки террасы оставалось не более полутора метров. Жуткое белое крошево шевелилось под ногами, как живое существо.

"Плохо!.. – думал он. – Очень плохо! Еще чуть-чуть и зальет поселок. Тогда не улететь, а бурить на болотах можно только пока земля мерзлая..."

Однако вылететь Нюкжин не мог уже неделю. Буровой станок поступил без комплекта труб. Мастер в запое. И нет вертолета.

Хозяйственники разводили руками.

– Кто же знал?

Начальник экспедиции уклонялся.

– Трубы? Это дело хозяйственников.

Лишь Донилин обнадежил:

– Я достану!

Буровой мастер не объяснил, где и как он собирался достать злополучные трубы. Сказал только, что нужно "маленько погодить". И вот – пиковая ситуация! Зырянку со дня на день затопит. А труб нет. И Донилина нет. К слову сказать, нет и вертолета.

Нюкжин поехал и поднял молнию куртки на цигейковой подкладке. Посмотрел туда, за Ясачную. Хребет Черского сахарной грядой выделялся на горизонте в прозрачном чистом весеннем воздухе. Он обнадеживал: не горюй, болота отойдут не так скоро...

Кто-то тронул Нюкжина за локоть.

– Иван Васильевич! Вас начальник ищет!

Нюкжин обернулся. Перед ним стоял молоденький шофер с экспедиционной базы.

– Где он?

– Там, в "Юбилейный" зашел.

Продуктовый магазин "Юбилейный" располагался на площади между берегом Ясачной и поселковым клубом "Новатор", украшенном тяжелыми колоннами. Площадь не имела твердого покрытия. В дожди здесь блестели здоровенные лужи, в сушь ветер гнал тучи пыли. Но сейчас она выглядела чисто, солнечно, празднично.

"Если Сер-Сер зашел в "Юбилейный", то ничего срочного", – невесело думал Нюкжин, пересекая солнечный прямоугольник площади.

Встречаться с Фокиным ему не хотелось. Тот опять будет уклоняться от прямых вопросов, выказывая показное сочувствие. "Сер-Сер" для Нюкжина означало не только удобное сокращение имени-отчества бывшего однокурсника. Оно противостояло внешне показной внушительной наружности, как бы говоря: "серый ты, серый". Так он называл Фокина, когда тот еще ходил в начальниках партии, хотя геологом слыл средним. Когда же Фокин вдруг стал начальником экспедиции, наверху виднее кого назначать, заглазное прозвище закрепилось за ним прочно и стало всеобщим.

Фокин дожидался их в машине, юрком "ГАЗ-67" по прозвищу "козел". Он спокойно смотрел, как Нюкжин приближается к машине, не проявляя признаков нетерпения. Лишь, когда сели, сказал шоферу:

– На базу!

Разговаривать с рабочими и младшими геологами лаконично, подчас строго, Фокина вынуждала полевая обстановка. Вырываясь "на природу" некоторые забывали, что они все же на работе. Но, что говорить, склонностью к администрированию он грешил. Только с начальниками геологических подразделений Фокин обращался ПО-СВОЙСКИ: мол, мы все из одной кучи! И сейчас, лишь машина взяла с места, Сер-Сер повернулся к Нюкжину и доверительно, как лучшему другу, сообщил:

– Через два часа будет борт. Попутный. Райкомовцы летят. Донилин достал трубы. Уже грузит на машину.

Где и как достал злополучные трубы буровой мастер, Фокин не объяснил. И не надо! Важно, что достал!

В груди Нюкжина разом возникло напряжение, толкнулось в сердце, заставило биться учащенно. Взгляд стал сосредоточенным. Оцепенение ожидания сгнуло, мысль работала с опережением.

– Но Долинину нужен помощник...

Да, они оба видели, как самолет, на котором летел помощник бурмастера, уже висел над ледовым аэродромом Зырянки, но его "завернули" и он ушел обратно в Якутск. А казалось, ничего не изменилось. Накануне самолет садился на точно такой же лед. Но порядок в авиации жесткий. Если авиационная инспекция закрыла аэродром, то и не помышляй! Самим следовало поторопиться. А теперь, что делать?

– Скажешь Кочемасову, что он на месяц командирован в твой отряд.

Нюкжин в волнении потер указательным пальцем подбородок.

– А он согласится?

– Согласится! – уверенно сказал Сер-Сер. – Что ты, Кочемасова не знаешь?

Моторист экспедиции Иннокентий Кочемасов находился в Средне-Колымске. С вездеходчиком Виталием Мериповым они готовили зимовавшую там машину к выезду. Передавая его на месяц в отряд, Фокин по сути делал Нюкжину подарок.

Кочемасов действительно славился покладистым характером. Ни от какой работы не отказывался, распоряжения начальника не обсуждал. И работал отменно. Так что пока все складывалось как нельзя лучше: и вертолет, и буровой комплект, и Кочемасов...

И Нюкжин подумал, что у Сер-Сера все-таки есть талант руководителя. При случае, он мог организовать работу оперативно и толково.

– Так что получишь карабин, рацию и на лесной аэродром, – словно издалека доносились до него наставления Фокина.

Они заехали на базу, потом в контору, потом на склад и, наконец, выехали за поселок.

"Лесной аэродром" представлял собой широкую просеку, которой пользовались, когда площадка на ледяном поле выходила из строя, а песчаные косы заливала вода. Со временем предполагалось построить здесь стационарную бетонированную полосу, способную принимать самолеты типа "ИЛ-14". Но пока отсюда взлетали только вертолеты и маленькие "АН-2", да и то, если земля сухая.

Когда они подъехали, грузовая машина уже стояла у кромки леса, поодаль от вертолета. Донилин сидел в кабине шофера и курил. Выглядел буровой мастер довольно помято. Рыжеватые вихры всклокочены, лицо, даже сквозь заросль ржавой щетины, казалось одутловатым.

Увидев начальство, он вылез и отрапортовал:

– Имущество загружено!

От него разило винным перегаром.

– Ты бы, Адамыч, побрился, – морщась сказал Фокин. – И не дыши в лицо. С тобой без закуски говорить невозможно.

Донилин замялся, загасил сигарету и полез в зелено-красный салон вертолета.

– По сути, выгнать его надо. Только с кем работать будешь?

Но Нюкжин отметил, что, несмотря на непрезентабельный вид, Донилин малый расторопный.

"Но главное, что – трудяга! – думал Нюкжин. – И вот, выручил!"

– Райкомовцев еще нет. – сказал Сер-Сер.

Экипаж вертолета поглядывал нетерпеливо. Пилоты везде одинаковы. Их можно ждать неделями, но они ждать не любят.

МИ-4

А Нюкжина не оставляло ощущение, что происходит нечто нереальное.

– Значит, Степан все-таки достал комплект?! – машинально сказал он.

– Да! Адамыч молодец! А, кстати, знаешь как Донилин стал "Адамычем"?.. Похоже на анекдот. Мать родила его не в замужестве. Говорят, когда регистрировали Степана, фамилию она назвала, свою. Имя дала. А на вопрос: – "Отчество"? – ответила, – "Все мы от Адама!" "Так и записать?" – спросили в ЗАГСе. – "Так и запишите!". Вот и стал Степан "Адамычем". Не любит, правда, когда его величают по отчеству...

Нюкжин слушал в пол уха. Сер-Серу хорошо рассказывать анекдоты. Его заботы через полчаса кончаются. А у него они все впереди. Донилин достал комплект. Наверняка не новый, из списанных в прошлом году. Хорошо, если посмотрел, что берет. Хоть и для себя, ему бурить, так ведь "не просыхал" целую неделю... Вездеход в Средне-Колымске простоял зиму без ремонта. Вездеходчик новый, на Колыме впервые. Наладит ли машину? И запчастей нет... Кочемасов – моторист! Месяц ходить в помощниках бурмастера? Понравится ли, хоть и покладистый?.. Задача начальства вытолкнуть нас в "поле", а там как знаешь...

Он вылез из машины и заглянул в салон вертолета. Из под груды походного имущества выглядывал ящик с комплектом труб.

– Не попадем мы с ним "под монастырь"?

– Не... Мне дружок задолжал. Вот я и взыскал.

Мелкое бурение в Зырянке вели и другие организации: на воду, на мерзлоту, на грунты под строительство. Осенью отслуживший инструмент списывали. Но "отслужил" не означало "не годен". И бурмастер списанный комплект "придерживал". Именно бурмастер, а не хозяйственник. Потому что хозяйственнику нужен акт на списание. А буровик думает как бы не

остаться без инструмента. И получалось, что самый бесхозяйственный человек в экспедиции – хозяйственник. А Донилин "взыскал" и что ему скажешь, кроме как – спасибо!

Подъехала райкомовская машина. Вышли двое. Мужчины. Одеты просто. С Сер-Сером поздоровались, вернее Сер-Сер поздоровался с ними, а они ответили. На Нюкжина не взглянули.

Один спросил пилота:

– Готовы?

– Готовы! – ответил пилот.

– Тогда полетели!

И полез в салон. За ним – второй. Лица озабоченные.

"Паводок! – подумал Нюкжин. – А в Среднем, поди, ушами хлопают. Вот они и летят".

– Желаю... – сказал Сер-Сер и пожал руку.

Борт-механик захлопнул дверцу, закрепил предохранители. Нюкжин осмотрелся. Райкомовцы сидели в передней части салона около летной кабины. Донилин устроился на кошке поверх имущества с явным намерением вздремнуть.

Нюкжин занял место возле иллюминатора у дверцы. Он разглядел грузовую машину и "козла" на краю взлетной полосы, фигурки Сер-Сера и шоферов. Многолетний опыт научил: уезжать раньше, чем вертолет поднялся в воздух, значит обрекать себя на повторную езду. Вылет могли отменить или задержать.

"А отсюда видно даже лучше, чем с передних мест" – с удовлетворением отметил он.

Набирая скорость, начали вращаться лопасти. Вертолет подрагивал, примеривался к грузу, затем мягко покатился, оторвался от земли и помчался прямо на вершины деревьев, словно собирался сбить макушки. Но, не долетая до них, резко взмыл вверх. Деревья нырнули ему под брюхо и взору Нюкжина открылась Колыма. Длинная белая полоса дробленого льда чуть-чуть шевелилась. Чернели полыньи, иногда значительные. Местами льдины громоздились одна на другую. Кое-где на поверхности льда виднелись то дерево с вывороченным корнем... то разбитый бочонок... то кучка мусора...

Гул мотора стал ровным, методичным. Вертолет набрал высоту триста метров и лег на курс. Он летел на север, придерживаясь долины Колымы, и перед Нюкжиным разворачивалась любопытная картина, подобная эффекту обратной киносъемки. У Зырянки он наблюдал плывущие льдины, черные полыньи – одним словом, ледоход. Ниже по Колыме льдины сплывались, образуя разбитое трещинами ледяное поле... Вот и трещины уже выклинились и под вертолетом еще не тронувшаяся Колыма – сплошной серый лед!

– Успели! – думал Нюкжин. – И от паводка убежали, и Средне-Колымск принимает".

Справа к Колыме подступил скалистый обрывистый берег. От него круто поднимались округлые заснеженные вершины Юкагирского плоскогорья. Береговые обрывы отделяли их от Колымы черным бордюром.

Он переместился к левому иллюминатору. Сквозь желтоватое стекло от Колымы и до самого горизонта простиралась белая, слабо всхолмленная равнина.

– Наша вотчина! – подумал он. – Что-то будет, когда растает?!

Ровно гудел мотор. Донилин спал на гряде снаряжения. Мысли Нюкжина шли вразброд. Еще вчера Сер-Сер не хотел говорить с ним. Потому что не мог предусмотреть, когда вскроется Колыма, освободится ли вертолет, достанет или не достанет Донилин буровой комплект. А сегодня вылет решился в одночасье.

Экспромтом!.. Великая сила – экспромт! Но такое повторяется каждый год, каждый полевой сезон. И, ничего, срабатывает.

Колыма отклонилась вправо, изгибаясь большой излучиной. Срезая ее, вертолет пересекал район предстоящего маршрута. И Нюкжин забыл о Сер-Сере... Белая равнина. "Блюдечки" озера подо льдом – круглые, беленькие, плоские. Местами черные проплешины бугров, на них

разреженная щетка низкорослых лиственниц. Видны и заросли кустарников, занесенные снегом. Кое-где даже краснеет прошлогодняя листва карликовой березки. А в общем, снежный покров не так велик, как показалось издали. Продержится недолго. Но и воды будет немного.

Вертолет делал круг. Проплыли под иллюминатором серые, разбросанные вдоль берега реки домики Средне-Колымска. В поле зрения опять вошла Колыма. Серый ноздреватый лед выглядел достаточно прочным.

Не успели остановиться лопасти, как подкатили две машины – "Козел" для райкомовцев и грузовая для перевозки имущества отряда.

Райкомовцы тут же уехали, а вертолетчики заторопили как обычно:

– Выгружайтесь! Скорее! Аэропорт закрывается!

Едва они перегрузили свои вещи на машину, как вертолет снова загудел, закрутились лопасти. Через минуту он взлетел прямо с места и взял курс обратно на Зырянку.

И наступила тишина. Такая потрясающая, что показалось: они переместились из одной эпохи в другую. А вертолет, совершивший чудо, уменьшался, превращался в точку над горизонтом.

"Адский агрегат!" – не без восхищения окрестил его Нюкжин.

Аэропортовский грузовик вывез их на низкую террасу, к дощатой будке на бревенчатых полозьях. Из железной трубы вился дымок, возвещающая, что там тепло. Вокруг вразброс лежали ящики, бочонки, грузы, прикрытые брезентом.

Имущество отряда образовало еще одну такую кучу. Точнее – кучку! Это в вертолете казалось, что вещей много. И все же: буровой станок, два мотора к нему, комплект труб, бочка бензина, спальные мешки, палатки, кошмы, кухонная утварь. Продукты. Не многовато ли на один вездеход?

Донилин в пути немного отдохнул и выглядел свежее. Только рыжая щетина по-прежнему совершенно nepотpeбная и глаза тревожно печальные.

– Наши, наверное, не догадаются, что мы прилетели, – сказал Нюкжин.

– Конечно! – подхватился Донилин. – Я сбегая. Быстро. Адресок только... Нюкжин объяснил ему, где искать вездеход.

– Пусть едут со всеми вещами, – сказал он уже в вдогонку. – Если готовы, то сегодня же и отправимся.

Донилин исчез и только тогда Нюкжин спохватился, что отпускать Степана по крайней мере неосторожно. Но пойти самому к месту стоянки вездехода он не мог. Среди вещей лежали оружие, рация, железный ящик с картами и аэроснимками. Их нельзя оставлять без присмотра. Нет, он, конечно, доверял Донилину. Тот работал не первый сезон, а нечестные люди в экспедиции не задерживались. Но как поручиться, что Донилин не отвернет куда-нибудь за опохмелкой? Все правильно, идти самому нельзя. Тем не менее...

Нюкжин вошел в теплую, прокуренную дежурку. За простым деревянным столом сидели два старика. Один в изношенном свитере, видимо сторож, второй, его гость, в телогрейке. На столе стояла пустая бутылка. Увидев летнюю куртку, тот, который сторож, немного подумал, затем протянул руку и поставил бутылку на пол за собой.

Нюкжин поздоровался и спросил:

– Можно подождать здесь? Вездеход должен подойти!

– Кочемасовский?

То, что экспедиционный вездеход называют "кочемасовским", не удивило. Кочемасов родился в Средне-Колымске. В паспорте его значилось "русский". Однако скуластое лицо и по азиатски черные глаза свидетельствовали, что в его жилах течет и якутская кровь, причем немалая. Поэтому у Кочемасова по всей округе, и, конечно же, в Средне-Колымске, водились друзья и родственники, как среди русских, так и среди якутов. У одного из них и зимовал вездеход.

И Нюкжин подтвердил:

– Кочемасовский!

– Ну, конечно, подождите... – миролюбиво согласился хозяин. – Вон там стул есть.

Нюкжин присел на предложенный ему стул, но через минуту встал, снял куртку. Жарко! Краем уха он прислушивался к беседе за столом.

– И что же ты имеешь? – допытывался гость.

– Ставка. Северные сто процентов. Столько же за стаж. Ну, и подворовываю маленько.

Он говорил ничуть не смущаясь Нюкжина.

– И что же, не замечают?

– А если и замечают? Я ж по малости. Когда бутылку, когда банку. Они ж и так мне полагаются...

"Полагаются" означало, что портовое начальство само периодически "подбрасывало" сторожам и грузчикам то одно, то другое, чтобы удержать их на месте. На Колыме и "бич" считался работником.

– Как думаете, – спросил Нюкжин, – Колыма скоро вскроется?

– Однако, не завтра, так послезавтра, – сказал хозяин. – У нас весна какая? Зима, а за ней сразу лето.

– Но снега еще достаточно. С вертолета хорошо видно.

– Снега много, – подтвердил хозяин. – Но сбывает. Еще день-два и не выедете отсюда.

– Что так? – обеспокоился Нюкжин.

– Вода по логам пойдет. Объезжать придется. Вы куда путь-то держите?

– В сторону Седедемы, на Дьяску.

– Туда дороги нет.

– Мы напрямую.

– Ну-ну!

– Сейчас-то они еще пройдут, – вступился гость. – Земля мерзлая.

– Сейчас, пожалуй! – согласился хозяин. – Если не мешкать.

– Мы с работой. Бурить будем.

– О-о! – протянул хозяин, словно Нюкжин собирался пешком на Северный полюс.

Разговор расстроил Нюкжина. Что говорить! Они опоздали с выездом! А тут еще ни вездехода, ни Донилина. Посмотрел на часы. Незаметно, незаметно, а уже полтора часа. Лучше бы самому... Но тут же вспомнил о бутылке на столе. Нет, и оставлять Донилина тоже нельзя. Ну, будь, что будет! Одно слово – экспромт!

– Жарко у Вас тут, однако, – сказал он. – Пойду, прогуляюсь.

После прокуренной дежурки, на улице показалось невероятно как хорошо. И... что это? По дороге, что вела логом, грохоча траками по мерзлой земле спускался вездеход.

"Наш?! Неужели наш? – подумал Нюкжин. – Теперь ему казалось, что прошло слишком мало времени. Или они не собрались? Так приехали? Вездеход лихо подкатил к дежурке и остановился, демонстрируя надежность тормозов. Распахнулись сразу обе дверцы: из одной вылез улыбающийся Кеша Кочемасов, из другой – серьезный Виталий Мерилов. – С прибытием! – Кеша долго и радостно тряс руку Нюкжину – Заждались мы тут.

Мерилов поздоровался сдержанно, руку протянул издалека, словно боялся, что начальник не примет ее. И еще Нюкжин отметил, что Мерилов начал отпускать бороду. Таежный форс, типичный для новичков.

Вездеход ГАЗ-47

– Донилин где? – спросил он.
– Наверху. У магазина. Мы его за хлебом оставили.
– За хлебом?
– Не беспокойтесь, Иван Васильевич! Я ему внушил.
– В Зырянке ему тоже "внушали".
– Да, – согласился Кеша. – Личико у него стало круглое... А Вы, Иван Васильевич, что-то наоборот, совсем с лица спали. Шапка да подбородок. Все трое рассмеялись. Подбородок у Нюкжина действительно был тяжелый, бульдожий. Но больше всего развеселило Нюкжина, как ловко ушел Кочемасов от обсуждения товарища.

– Загрузились? – спросил он.
– Три дня как загруженные. Вот-вот вода пойдет. Выбираться надо. Поскорее.
Ай, да, Кеша! Тут гадаешь, готов ли он? А, оказывается, вездеход уже три дня дожидается команды. И про воду знает. И беспокоит она его, не менее Нюкжина.

– Вам придется с нами поехать, – сказал он. – Сергей Сергеевич распорядился. Вы, как?
– Раз надо... – ответил Кочемасов. – Степану одному как же?
– Ну, ладно! – сказал Нюкжин, вполне довольный тем, как обернулось дело. – Загружаемся!

Загрузить вездеход так, что бы в пути груз не растрясло, надо время. А Колыма торопила. И Донилин торчал где-то у магазина. Поэтому по быстрому закатали бочку с бензином, на скорую руку закидали имущество. Кеша приветливо открыл дверцу.

– Садитесь! Я наверху.
– Нельзя наверху.
– Ничего! Милиционер мой дружок.

– По технике безопасности нельзя.

Кеша посмотрел на Нюкжина с недоумением.

– Какая техника? Вещи валом накидали. Железки. Там живому человеку не ехать.

Кочемасов говорил правду. Ехать в кузове вездехода пока что невозможно. "Пока!" А что изменится потом? Но надо соблюсти видимость порядка... В каждом начальнике было что-то "фокинское".

– Ну, ладно, до первого лагеря так доедем, а там обустроимся.

Нюкжин сел в кабину с удовольствием. Взглянул на Мерипова. Лицо не очень выразительное. Как говорится, без особых примет. Лоб... Нос... Борода... Но глаза смотрят внимательно. В отделе кадров успокоили: Мерипов – водитель-универсал. Окончил МАДИ. При знакомстве он оставил хорошее впечатление. "Хоть будет с кем поговорить", – подумал Нюкжин.

Они поехали. Машина шла уверенно, надежно. Теперь бы еще благополучно проехать мимо магазина.

Донилин сидел на перилах крыльца. У его ног лежал объемистый рюкзак с хлебом – в дорогу! Из карманов куртки-штормовки торчали две бутылки. Не дожидаясь приглашения, он быстро вскарабкался наверх и возвестил:

– Вперед, славяне!

Но Нюкжин не спешил. Он достал из полевой сумки карту.

– Кеша! Посмотрите!

Кочемасов нагнулся.

– Нам нужно сюда, – показал направление Нюкжин. – Вот тут, видите, на карте обозначен сарай.

– Знаю! – сказал Кеша. – Черный бугор. Летом косят там, на аласах.

– Хорошо бы до него сегодня...

– Доедем! Это рядом.

– Тогда садитесь в кабину. Покажете дорогу. – И протянул карту. – Возьмите.

– Я так найду, – отвел его руку Кеша.

Они поменялись местами. Нюкжин залез на вездеход, а Кочемасов сел в кабину водителя.

– Как вы там? – спросил он оттуда.

– Порядок! Трогайте!

Вездеход аккуратно взял с места и покатил по улицам Средне-Колымска, мимо потемневших от времени и непогоды деревянных приземистых домиков, спустился в лог, темный, а потому холодный, и пошел по нему, выбирая путь к верховью.

Нюкжин посмотрел на Донилина. Тот сидел вполне довольный жизнью, распахнув куртку настежь.

– Не холодно?

– Не... Мотор вон как пышет.

На базе они даже не поговорили толком. Степан где-то пропадал, "искал" трубы. Да и не до него было тогда. Днями торчал в конторе. Надоед Фокину, надоед хозяйственникам. Ходил на берег Ясачной... Теперь они рядом. Надолго!

Вентиляторы гнали горячий воздух так, что Донилину пришлось сесть боком, свесив ноги на закрылок гусеницы и Нюкжин искоса поглядывал: не свалился бы! Но Донилин сидел уверенно, будто не под ним качалась, дергалась, лязгала гусеницами удивительная железная машина по прозванию – вездеход. И тогда Нюкжин поверил: да, они едут! Самое трудное – организация работ – позади! Сейчас они вырвутся на простор и начнется маршрут.

И, словно получив приказ, вездеход вынырнул из лога на заснеженную равнину. Она сверкала, искрилась, ослепляла белизной и солнцем. И чистое синее небо над головой. Настроение у Нюкжина стало совсем по погоде. Он был уже устремлен к тому далекому пункту на реке Дьяске. Пройти и пробурить. И посмотреть. И подумать. Простая задача! Простое обследо-

дование местности. Что? Где? Как?.. Но если по делу, то не такое оно и простое. Из совокупности мелких фактов складывается грандиозная картина жизни на Земле. Ведь у Земли есть своя жизнь... Двигутся материки... Воздымаются горы... Низины заносятся рыхлыми наносами... Нет большей радости, чем радость познания.

А вездеход мчался вперед, лавируя между мелкими озерами. Они оставались по курсу то слева, то справа, небольшие, округлые, подо льдом и снегом. Иногда встречались озера крупные, овальные. Первое крупное серповидной формы озеро лежало как раз перед Черным бугром. Предстоял немалый объезд. Но вездеход вдруг, никуда не сворачивая, скатился по пологому берегу и выскочил на лед. Нюкжин только ахнул: что делают?! А вездеход уже мчался по ровному белому полю, вздымая холодную белую пыль. Нюкжин оглянулся: за машиной двумя рублеными полосками тянулся след гусениц. Лед держал.

Дверца кабины приоткрылась и оттуда на ходу выглянул Кеша. Глаза озорные, улыбка до ушей! Увидев, что начальник не сердится, он снова скрылся в кабине.

"Да! – между тем, думал Нюкжин. – За ними нужен глаз да глаз".

Но езда по озеру доставляла удовольствие. Ехал бы так и ехал, ни о чем не задумываясь. Правда, беспокоили две бутылки в карманах Донилина, но, ничего, они последние.

Вездеход пересек озеро, подошел к берегу и повернул в поисках выезда. Черный торфянистый берег, рассеченный клиньями жильного льда, возвышался невысокой, отвесной стеной.

Торфяники обычно содержали обильное количество органических остатков: пыльцу растений, их ветки, листья, иногда шишки, по которым специалисты определяли климат былых эпох. Здесь следовало покопаться, но пока предстояло выехать с озера. Вездеход обогнул торфяник, за ним начинался пологий подъем на низкий берег, даже не подъем, так, чуть-чуть, и они снова на мерзлой земле Колымской равнины.

Алас

Торфяник представлял собой остатки значительно более крупного бугра пучения, кровля которого рухнула. Образовалась воронка, а в ней озеро. Когда такие озера пересыхали, открывались идеально ровные илистые площадки – "аласы", – где летом буйно поднималась высокая трава. На аласы рядом с Черным бугром приезжали из Средне-Колымска запасать корм для лошадей и коров. Молоко шло в школу-интернат и другие детские учреждения. Между аласами располагались суглинистые холмы и на самом широком из них, на возвышенной его части, стоял деревянный сарай. Осенью им пользовались косари, зимой – охотники.

Вездеход подкатил к сараю. На вершине холма снег сошел и земля сочилась капельными струйками воды. На Черном бугре размокший торф превратился в сажистую слякоть. На склонах и аласных западинах лежал снег. Для лагеря сухого места не

было.

Нюкжин осмотрел сарай. Он походил то ли на неочищенную конюшню, то ли на заброшенный общественный сортир. Осенью косари приведут его в порядок, но сейчас...

– Приехали... – усмехнулся Виталий.

– Ничто! – сказал Донилин. – Переживем!

– Для костра место найдем, а ночевать придется на вездеходе. – подвел итог Кеша.

– Я в кабине! – сразу застолбил себе место Виталий.

– Никто не претендует! – фыркнул Кеша.

Нюкжин понял его правильно: первое слово за начальником и нечего высовываться. Но ведь Виталий новичок. Городской! Оботрется!

Он заглянул в кузов вездехода.

– Однако, втроем здесь не уместимся...

– Я наверху... – сказал Донилин.

– Я тоже! – отозвался Кеша.

– А если дождь?

– Что Вы, Иван Васильевич?! Какой сейчас дождь?

Нюкжин спросил, конечно, из вежливости. Дождя не ожидалось. А если и дождь?! Накроются брезентом и хоть потоп.

– Пожалуй, так! – согласился он и распорядился: – Значит дело за ужином!

– Это мы вмиг! – оживился Донилин.

Полевой таган

Он и Кеша быстро свалили стоявшую неподалеку сушину и минут через десять веселые желтые огни костра спорили с желто-оранжевыми отсветами предзакатного солнца. К очагу подтащили еще пару бревен. Сели... Тепло!.. Спокойно!..

На землю ложились неотчетливые мягкие тени. В светлом сумраке деревья, сарай, вездеход смотрелись как силуэты. Поблескивал лед на озере. Розовела лужа, набежавшая поверх льда.

Сидеть у костра, подбрасывая в огонь сухие чурки, что может быть лучше? Виталий принес воды, подвесил над огнем казан и чайник.

– Что будем варить?

– Макароны, – сказал Кеша.

– Чудо-блюдо! – подтвердил Нюкжин. – Бух в котел и там сварился.

– С тушенкой?

– С тушенкой.

"А ведь утром я еще смотрел на ледоход в Зырянке", – с тихим удивлением подумал Нюкжин. Но предаваться воспоминаниям было еще рано. Донилин раскупоривал бутылки.

По сути Фокин переложил свои заботы на Нюкжина. Сам не смог ни остановить, ни наказать Донилина. Благо вертолет подвернулся вовремя. А что может сделать он, Нюкжин?

– Ох, Степан!.. Погубите Вы и себя, и меня.

– Не... – сказал Донилин. – Я не погибну. И никто, от одного стакана...

– Так ведь он сегодня не первый!

– Того уже нет. – Донилин разливал по кружкам. – Тот уже в прошлом.

Нюкжин решал сложную задачу. От того, как начнется сезон зависит и дисциплина в отряде, и взаимодействие, и, в конечном счете, работа. Но, попробуй, скажи Донилину: "Не пей!" Он и в Зырянке никого не слушал, а здесь тем более... Те, двое, в будке аэропорта, считали даже, что им "полагается"... Нет! В одиночку с Донилиным не справиться. Только отношения испортишь и работу осложнишь...

В кружках поблескивало, все смотрели на начальника.

Нюкжин решился. Традиционный тост.

– С первым маршрутом! – сказал он. – И за всех, кто в пути!

Выпили. Закусили макаронами, густо заправленными тушенкой. Выпили еще. Хмель пошел по телу, расслабил, развязал языки. После духоты и толчеи шумного города, выход на природу настраивал на минор. Нюкжин прослушал, как Виталий и Донилин заспорили:

– Что же хорошего? – спрашивал Виталий. – Шагу в сторону не сделай.

– А зачем тебе в сторону?

"Повеселевший" Донилин напирал грудью.

– А если мне нужно?! – упорствовал тоже захмелевший Виталий.

– Сел в лодку, греби как все. А то враз перевернемся.

– А если я не хочу, как все?

– Тогда – вылезай! – вступил в разговор Кеша.

– Куда? В воду?

– А куда хочешь!

– О чем спор? – спросил Нюкжин.

– Воли ему мало! – сказал Кеша и добавил нечто по-донилински.

– Что?... Что Вы сказали? – переспросил Нюкжин нарочно, будто не понял.

Кеша удивленно раскрыл рот и согнулся пополам.

– Ха-ха-ха!.. Что я сказал?.. Ха-ха-ха!..

Но Донилин без всякого смущения повторил и даже добавил. Такая бесцеремонность покорила.

– Степан Адамович!

Нюкжин знал, что применяет запрещенный прием. Но надо же остановить Донилина. И вообще, маршрут начался и нельзя, чтобы каждый кто во что...

Донилин смотрел на него, как будто получил под дых.

– Так я, чтобы понятней... – наконец выговорил он, и угрюмо добавил: – И не надо меня... по отцу...

– Хорошо! – пошутил Нюкжин. – Вы не будете "по матери", а я не буду по отцу.

Но о Донилине недаром шла буйная молва. Он вздыбился.

– Что ты, начальник, мне все "Вы" да "Вы"? Я не девка красная!

Воспользовавшись внезапно возникшей перепалкой Виталий поднялся и пошел к сараю. Кеша проводил его долгим взглядом. А Нюкжин прикидывал, как лучше выйти из неприятного разговора. Он всегда обращался к сотрудникам отряда на "Вы", к рабочим – тем более. Но одно дело "тыкать" подчиненному, который стесняется или боится ответить тебе тем же, другое, когда тот напрашивается сам.

– Ну что ж! – сказал он. – Давай на "ты"!

И удовлетворенный Донилин достал третью бутылку.

Нюкжин с укоризной посмотрел на Кешу и тот, словно извиняясь, уточнил:

– Последняя...

– Последняя стояла перед этой, – сказал Нюкжин.

– Ну, Иван Васильевич... Надо же отметить...

Опять приходилось решать психологическую задачу: выпить – значит одобрить!

Отказаться? Разопьют без него. Прецедент на будущее. Проклятое зелье! Можно подумать, что без него ни шагу... И все-таки придется уступить.

– Хорошо! – сказал он. – Если она действительно последняя.

Донилин разлил по кружкам, оглянулся, где Мерипов?

Виталий вышел из сарая. В руке он держал небольшую квадратную доску.

– Посмотрите, я икону нашел!

Доска потемнела и прогнулась, а постный лик угодника закоптился настолько, что пришлось его протереть тряпицей, чтобы разглядеть хорошенько и его самого и витиеватую подпись: "Николай"!

– Зачем тебе? – спросил Степан. – Дурман же! Опиум для народа.

– Понимаешь ты! А может она древняя?

– И что?

Донилин не оценивал икону в рублях. Да и содержимое кружки привлекало его значительно сильнее.

Но Нюкжин помнил: в середине XVII века отряды казаков Михаила Стадухина и Семена Дежнева проникли с моря в устье Колымы и основали Нижне-Колымский острог. Оттуда Дежнев выходил морем в сторону Чукотки. А кто из них поднимался по Колыме? Может быть Ерило Зырян? Оторванные от Большой Земли, на веслах и под парусом, без карты, без страховки – только долг, икона и святая вера! И хотя икону в сарае вряд ли оставили те землепроходцы, уже то, что она воскрешала память о них, делало ее неприкосновенной. Брать икону не следовало! Однако, как объяснить Виталию?

– Положь на место... – глухо, но с угрозой сказал вдруг Кеша.

Он сидел почти не изменив позы. Разве, чуть пригнув голову, как зверь перед прыжком. Но от его ровного бесцветного голоса Нюкжину стало не по себе.

– Да ты что? – неуверенно протестовал Виталий.

– Положь!

Темные глаза Кеши ничего хорошего не обещали, хотя голос оставался по-прежнему ровным и негромким.

"Убьет и не вздрогнет!" – подумал Нюкжин.

– Нужна она мне... – пробурчал Виталий и поплелся обратно к сараю.

– Не им кладено, не ему брать! – твердо сказал Кеша.

А Нюкжин подумал: "Ну и начало! Как дальше будем?"

И тут Донилин вдруг попросил:

– Кеш! Открой рот.

– Зачем?

– Трудно тебе?

Кеша доверчиво открыл рот. Донилин что-то долго рассматривал, потом сказал:

– А ты зубастый! Надо же!

Пододошедший Виталий с недоумением смотрел, как они, все трое, заходились от смеха.

– Надо мной, что ли? – спросил он у Нюкжина.

– Нет! – ответил тот, будучи не в силах успокоиться. – Зубы у Кеши! Во рту!

Но Виталий ничего не понял. А может быть он подумал, что они "чокнулись" здесь, на заснеженной безлюдной равнине. В первый же день! Или перепились?

Вино действительно поначалу взбудрило их, но теперь "отпустило" и усталость минувшего дня навалилась вдвойне.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Нюкжин, постепенно успокаиваясь.

– Я тоже! – поднялся присевший было Виталий.

– А мы еще посидим маленько... Да, Кеша? – еще бы, Донилин не уйдет, пока все не выпито.

– Посидим, – неуверенно ответил Кочемасов.

Он, вероятно, подумал, что от начальника ему будет разнос. Но Нюкжин сказал миролюбиво:

– Я попросить Вас хочу. Не надо на Виталия. Человек он новый. Жил по другим правилам... Свара хуже водки. Если и дальше так, то маршрут не пройдем.

– Ясно, – хмуро согласился Кочемасов.

– И Степана надо придержать. Вам это лучше, чем мне. И, пожалуйста, пусть он побреется, конечно, если не отпускает бороду, как Виталий.

Кеша усмехнулся. Улыбнулся и Нюкжин.

– Тогда, спокойной ночи! У меня тоже что-то глаза смыкает.

– Спокойной ночи! – отозвался Кеша.

Нюкжину казалось, что он заснет не дойдя до вездехода. Веки смыкались сами собой. В темном кузове вещи лежали навалом. Наводить порядок? Нет, завтра! Только завтра! Нашел спальный мешок, кое-как выровнял место для ложа. Попахивало бензином...

Он заснул мгновенно, хотя и во сне кто-то не давал ему покоя: "Начальник!.. Начальник!.." – Что за сон? – Начальник! Кончай ночевать, "вставай" пришел!

Сначала Нюкжину показалось, что Донилин, как начал вчера шутить, так и не может остановиться. Но Донилин не шутил. И небо в проеме кузова светлое. Посмотрел на часы: семь утра!

– Что рано?

– Бурить надо! Место вчера не выбрали...

Нюкжин вылез, щурясь на яркий свет. В средней полосе России можно было подумать, что уже близится полдень.

Ба! Донилин ли перед ним? Ни ржавой щетины, ни мути в глазах. Стоит на ногах прочно, по-хозяйски.

– На торфянике... – сказал он, стараясь с ходу включиться в деловой разговор.

– Туда шланг не дотянем.

– Там же была вода!

– Была да сплыла! Ночью не тает.

– Тогда поближе к торфянику...

Нюкжин уже проснулся. У него, как и у Донилина, появилось предвкушение настоящей работы. Он подошел к Черному бугру и осмотрел его подножье.

– Сюда дотянем?

– Пожалуй, – сказал Донилин и крикнул Кочемасову: – Тащи!

Они поставили треногу, принесли моторы, лебедку, трубы. Стали монтировать станок.

В восемь предстояло выйти на связь с базой. Нюкжин установил рацию, натянул антенну – от сарая к вездеходу, – подсоединил блок питания.

Мерипов наблюдал за их действиями через открытую дверцу вездехода, но вылезать из спального мешка не торопился.

Нюкжин начал настраиваться на волну базы, но время еще не пришло и Прохоров молчал. А мир жил своей жизнью. Монотонный голос диктовал сводку погоды: цифры... цифры... цифры... С Колымы доносилась перебранка речников. Паводок повредил береговую обстановку и кто-то кому-то настойчиво вдалбливал, что повреждения необходимо исправить и побыстрее. А тот, кому "вдалбливали", тупо повторял: "А как я могу?" Виталий вылез из спального мешка и присел рядом. Интересно, все-таки живые голоса "оттуда"!

– Внимание! Внимание! – перекрыл всех голос Прохорова. – Здесь РСГТ. Вызываю РЗПС! Вызываю РЗПС! Как слышите, Иван Васильевич? Прием!

Прохоров беспокоился, как никак отряд без штатного радиста.

Нюкжин ответил, что слышит хорошо, сообщил свое местонахождение и что работу начали. Спросил, что есть для него?

– Вам ничего!

Обычное дело. Если подразделение работало нормально, начальство к нему ничего не имело.

Нюкжин попросил разрешения не выходить на связь дня три-четыре: они в дороге, каждую остановку разворачивать рацию – потеря времени. Да и не везде ее развернешь. Прохоров

разрешил. Они попрощались. В эфире стало тихо. В экспедиции кроме них никто еще не работал.

Нюкжин вернулся к буровой. Моторчик гудел, колонковая труба медленно, но верно погружалась в грунт. Донилин словно колдовал над ней. Он двигался быстро, проворно, ни одного лишнего движения. Его чуть выпуклые зеленоватые глаза, как две фары зорко высвечивали и вращение штанги, и подачу воды.

Муфта достигла устья скважины и Степан крикнул:

– Выключай!

Кеша остановил мотор. Степан сноровисто нарастил новую штангу и вновь подал команду:

– Включай!

Кеша в этот момент смотрел на Нюкжина – как ему их работа? И промедлил.

– Давай! Давай! – нетерпеливо прикрикнул Степан. – Не в Академии наук!

Кеша включил мотор и спросил:

– А в Академии ты что, на печи лежал?

– Лежал на печи и ел калачи, – весело ответил Степан. – А вот чем нас здесь накормят?

И Нюкжин понял, Донилин поднял его не только из-за выбора места для бурения. Проблема заключалась в "котле"! Вчера все торопились. Первый костер! Первый ужин! Первый ночлег! Каждый стремился сделать хоть что-нибудь. А сегодня обычный трудовой день. Донилин и Кочемасов начали бурение, им не до кухни. Он занят на связи. Донилин вероятно предполагал, что начальник распорядится в отношении Мерипова. Но тот отошел к вездеходу.

"Готовить завтрак придется мне, – подумал Нюкжин. – И надо поторапливаться, потому что как закончится бурение, предстоит отбор керна".

Он уже собрался разжечь костер, но обнаружил, что дров нет. Их сожгли утром, когда Кеша со Степаном поднялись спозаранок готовить буровую.

– Виталий, – позвал он Мерипова. – Помогите распилить бревно.

Мерипов внимательно посмотрел на начальника, вникая, действительно ли без него не обойтись или это предлог принудить его к работе? Распилить бревно можно было только вдвоем и он взялся за пилу. Но когда отвалилась третья чурка, он сказал:

– В Прибайкалье я на трелевке леса работал. Обед нам привозили. Нюкжин взял топор.

– Вас там сколько было?

– Сотни полторы.

– Вот! А нас четверо.

– Я не к тому... Но ведь я не обязан. Я – вездеходчик!

– А кто обязан? У нас вездеходчики, бурильщики, начальники. А повара нет.

– Вижу, – сказал Виталий. – Давайте топор, я поколю...

Нюкжин разложил костер, поставил на огонь казан с водой, засыпал туда гречневой крупы, демонстрируя приличные навыки кашевара. Потом вскрыл две банки мясной тушенки и, в заключение, повесил над костром чайник.

Виталий принес еще две охапки дров, сбросил их у огня.

– А все-таки, – сказал он, – я откажусь, другой откажется. Тогда как?

Нюкжин засмеялся. Он в это время мыл грязную посуду.

– Пришлось бы готовить мне, вот как сейчас.

– А если бы и Вы не захотели?

– Я подчиняю свои желания интересам работы.

– Значит, так бы и готовили весь сезон?

– Нет, так тоже неправильно.

– А как же правильно?!

– Выдал бы каждому продукты и готовьте себе сами.

– Здорово! – сказал Виталий. – Я бы не додумался.

– Естественно! – согласился Нюкжин. – Подумать такое, значит поставить крест на работе.

Вдвоем они приготовили завтрак, быстро и не хуже вчерашнего ужина.

Затем они оба подошли к буровому станку. Нюкжину дали его на четыре недели исключительно потому, что на Колымской низменности он мог начать работу раньше, чем другие партии в горах.

Опускали последнюю трубу. Кеша выполнял указания молча, видимо понимая, что они действительно не в академии. Кеша было взглянул на начальника, но Донилин тут же сердито рыкнул:

– Не зыркай! Упустим!

Донилин закреплял штангу, Кеша придерживал ручку лебедки.

– Давай! – крикнул Долинин. – Быстрее!

– Глуши мотор, – сказал Виталий. – Завтрак готов!

– Сперва отбурим, – невозмутимо отозвался Донилин.

– Так стынет же...

– Схватит инструмент, тогда узнаешь, как она стынет.

– Кто схватит?

– Кто! Кто! Заморозка!.. Вот, кто!

– Мерзлота, – пояснил Нюкжин. – Оставь трубу в скважине, пусть ненадолго, замерзнет вода, скует инструмент. Тогда трубу "бросай надо!"

– То "давай", то "подожди", – пробурчал Виталий.

Нюкжин тоже хотел есть, но промолчал. Прошло около получаса, прежде чем Донилин прислушался. Он и сам не смог бы объяснить, что слышал, но опытный слух подсказывал: бурение на пределе!

– Восемнадцать метров! – сказал Степан. – Затираю керн.

Когда вынули последнюю трубу, солнце уже стояло над лесом. Как только выключили моторы, стало тихо-тихо. Ополоснулись водой из шланга. Сели к огню.

– Я законно жрать хочу! – возвестил Степан.

– Калачей нет, – пошутил Нюкжин.

– Пройдет и так.

По тому, как утром Нюкжин не обнаружил в казане вчерашних макарон, а их оставалось немало, сомнений не было: Донилин и Кочемасов позавтракали, причем плотно. И правильно сделали. Какая работа на пустой желудок?! Но Степан и Кеша уминали кашу так, будто на самом деле работали без завтрака.

Чай пили не спеша. Но Донилин засиживаться не дал.

– Пошли... Закончим.

Измазанные мокрой глиной колонковые трубы лежали рядком. Степан начал с последней. Он выдавливал из нее грязную глиняную колбаску, а Нюкжин бережно подхватывал ее по частям, и запечатывал в конверты из бумаги-крафт с прокладкой из восковки.

Пакеты выстраивались длинной вереницей. Лицо Нюкжина сияло. Посветлел и Степан. И Кеша улыбался. Они видели, что Иван Васильевич доволен и чувствовали себя сопричастными к его работе, вероятно нужной. Ведь не кататься же он поехал по болоту!

А Виталий смотрел разочарованно.

– Одна глина, – сказал он.

– В Западно-Сибирской низменности тоже, казалось, одна глина. А сейчас оттуда идет половина добываемой в Союзе нефти.

– Значит, мы нефть ищем?

– Не обязательно. Для начала просто надо знать, что под ногами. – Болото под ногами. Снова пили чай. Балагурили.

Потом занялись обустройством вездехода. Переместили бочку с бензином в переднюю часть кузова. Не срочный груз поставили на дно. Кошмы, палатки, спальные мешки, рюкзаки с личными вещами положили сверху, обложив ими рацию и "спецчасть". В корме кузова оставили свободное место, туда сгрузили моторы, лопаты, ломы, запасные тросы. Здесь же поставили сбоку ящик под кухню, пока свободный.

К четырем часам отообедали.

– Сегодня далеко поедем? – спросил Донилин.

– Километров пятнадцать.

– Тогда ехать надо. Еще скважину пройдем.

– Куда гонишь? – спросил Виталий.

– А ты что, утомился?

– Не утомился, а рабочий день кончается.

– Значит на севере рубль длинный, а день?.. короткий?.. Я дело люблю. И чтобы азарт в деле...

– И чтобы "стакан"! – поддел Виталий.

– И чтобы стакан, – согласился Донилин. – Он, сердешный, очищает. Нюкжин насторожился. Подумал, Виталий и Степан опять схватятся. Но Кеша осадил их:

– Кончай заседание! Не в Академии наук!

Все засмеялись. А Нюкжин решил, что они притерлись.

– Поехали! – сказал он.

Сложили кухню. Кузов затянули брезентом, закрепили веревками. Поверх брезента положили треногу, подстелив под нее кошму.

– Готово! – подвел итог Кеша.

Нюкжин сел в кабину, разложил на коленях карту. Донилин и Кочемасов забрались наверх.

– Кеша! Поглядывайте по маршруту. Не везде можно по азимуту.

– Понятно! – отозвался Кеша.

И вот место, где они ночевали, жгли первый костер, справляли "товарищеский ужин" и бурили – позади! Они словно отчалили от родного берега. И вернуться ли еще сюда, к сараю? "Ребятам, видимо, придется", – подумал Нюкжин, но как о чем-то очень далеком.

Глава 2

В небе тянулись птичьи стаи. Они держали курс на север. "Куда же они летят? – думал Нюкжин. – Там еще снег."

А птичьи стаи все летели и летели. Вероятно, они лучше знали – куда! Они летели и как будто несли с собой тепло. Снег не просто таял, он сбывал просто на глазах. Ледяные линзочки озер подходили водой, но они ехали по-прежнему напрямую, сокращая путь и испытывая удовольствие риска. Иногда Нюкжину слышался подозрительный треск под гусеницами, и однажды, когда они съезжали с озера, лед у самой кромки берега обломился. Они выскочили на сушу, обдав сидящих наверху всплеском воды. Виталий притормозил. Нюкжин выглянул: как оно?

Кеша улыбался:

– Лихо вы!

"Не лихо, а глупо!" – подумал Нюкжин и запретил съезжать на лед.

Бывает и так...

Так они ехали и третий день, и четвертый, и пятый, наблюдая, как сбывает снег, как лед на озерах уступает воде, как возникают и ширятся полыньи... И когда вечером шестого дня вездеход подошел к очередному, намеченному под стоянку озеру, оказалось, что льда на нем уже нет.

Остановились на высоком глинистом бугре, поросшем лиственницей. Прогретая солнцем земля кое-где даже подсохла.

– Здесь и палатки поставить можно, – сказал Нюкжин.

– Суше сейчас нигде не найдем, – подтвердил Кеша.

Он сразу хозяйственно взялся за топор и направился вырубать колья для палаток и очага, а заодно присмотреть сушину на дрова.

Донилин с помощью Нюкжина и Виталия снял треногу, потом они расчехлили кузов, достали палатки.

Моховой покров выделял влагу. Накидали ветки стланика, постелили брезентовый пол, на него резиновый надувной матрас. И сверху кошму и спальный мешок.

– Королевское ложе! – сказал Нюкжин и предложил Виталию, – Располагайтесь рядом.

– Я буду ночевать в кабине, – ответил Виталий.

– Зачем? Неудобно же!

– На земле сыро.

Степан засмеялся.

– Боишься, ночью "хозяин" за бороду ухватит?

Виталий не ответил.

"Он не медведя боится, – подумал Нюкжин. – Просто предпочитает жить отдельно. Но почему?"

К удивлению Нюкжина, ему никак не удавалось установить контакт с Виталием. Казалось бы у них больше общего, чем со Степаном и Кешей, но практически с ними у Нюкжина все ладилось, а с Виталием – никак!

– Тогда давайте поставим палатку ребятам, – предложил он.

Мерипов покосился на Степана с Кешей, они хлопотали у костра, готовили ужин, и согласился.

Закрепив последнюю растяжку, Нюкжин удовлетворенно разогнулся.

– Ну, вот! Теперь настоящий лагерь.

Подсели к костру. Вечер выдался тихий, лирический. Донилин заваривал чай.

Над головами по-прежнему тянулись стаи.

– Летят! – сказал Виталий. – Летят и летят!

В его голосе слышалось восхищение городского человека.

Все смотрели в небо. Великое переселение птиц никого не могло оставить равнодушным.

Одни стаи летели высоко и, чувствовалось, нацелены на дальний путь. Другие уже искали место для отдыха. Они снижались и с шелестом крыльев, похожим на посвист, шли на посадку. Одна из таких стаяк плюхнулась на воду озера близ палаток, словно лететь дальше не хватало сил. Приводнившись, утки бодро отряхивались, оглядывались по сторонам, начинали плавать, нырять, кормиться.

Степан вскочил и побежал к вездеходу за ружьем. Но, когда он, крадучись, стал приближаться к озеру, стайка дружно поднялась и перелетела подальше.

– Пустой номер, – сказал Кеша. – Надо на ночь в засидку идти.

"Отпробовать свежей утятинки неплохо, – подумал Нюкжин. – Но сколько таких "засидок" на пути бедной птицы. И быют ее, и быют!.. А она все летит, летит!.. А местные не просто охотятся. Они быют утку впрок. В той же Зырянке в дни перелета пустеют учреждения. И начальство, и подчиненные – все на тяге. И кто их остановит, если сам райисполком,.. прокуратура,.. милиция... И они, геологи, туда же!". Горизонт затягивала легкая дымка и вечернее солнце окрашивало ее в лилово-пурпурные тона. И огонь костра выглядел в предзакатных лучах бледным и бесцветным.

И вдруг: – З-з-зу... З-з-зу...

Комар! Надо же! Уже комар! В низинах еще лежит снег. На листовенницах только-только пробиваются новенькие зеленые иголки. А комар, провозвестник лета, уже тут как тут.

Отужинали и Донилин поднялся.

– Приступим...

– Сегодня?

– А что?

Ай, да Донилин. Девятая скважина за шесть маршрутных дней! Что называется – дорвался до работы! И ведь может не пить, когда нет ее, родимой...

– Я эту походную жизнь страсть как люблю, – устанавливая треногу, рассказывал Степан. – Зимой, бывало, стоишь у станка. В цехе тепло, не дует. А по мне хоть брось все, да беги.

– Что ж не побежишь? – закрепляя лебедку, спросил Кеша.

– Зимой?.. Куда же, зимой?

– Есть буровые, что работают круглый год, – подсказал Нюкжин, помогая подвесить мотор.

Не-ет... – протянул Донилин. – То, опять же, на одном месте. И дисциплина... С нашим братом-буровиком не пошуткуешь.

Солнце коснулось горизонта, когда Нюкжин и Донилин приступили к отбору керна, а Кеша ушел в "засидку". КERN на этот раз вышел не богатый, скважина прошла через крупную линзу льда.

"Выспаться бы! – думал Нюкжин, направляясь в палатку. – Как следует выспаться!"

Лег, как провалился... Открыл глаза: без четверти восемь!

Вылез из палатки, огляделся. Кеша, Степан и Виталий мирно сидели у костра. Без курток и телогреек – тепло! – в зеленых рубашках с капюшонами (энцефалитках) и такого же цвета штанах, заправленных в резиновые сапоги, они походили на братьев-близнецов.

Костер слабо дымил. Донилин приподнялся, то ли хотел подложить дров, то ли посмотреть кипит ли, но увидел Нюкжина и крикнул:

– Начальник! Тут ночью ходил кто-то!

– Где?

– А вот, по берегу.

На отмели действительно отпечатались странные следы. Таких Нюкжин еще никогда не видел, они походили и не походили на след сапога с рифленой подошвой.

– Сами натоптали? – для проверки спросил он.

– Что Вы, Иван Васильевич! – изумился Виталий. – У кого из нас такой размер?

Нюкжин и сам подумал, что здесь если кто и прошел, то сапоги у него не более тридцать шестого размера. Да и след выглядел очень странно. Он выходил из воды и через метр-полтора возвращался в озеро. И шел странник на одной (!) ноге. И ставил ее часто-часто, почти впри-тык. Чей же это след?

Виталий еле сдерживал улыбку. Донилин пыжился стараясь казаться серьезным. Кеша отвернулся и сосредоточенно ковырял прутиком костер.

– Ну, говорите, в чем дело? – сказал Нюкжин.

Не вытерпел Донилин.

– Кеша штуку приволок с того берега.

Он достал из-за спины припрятанную "штуку". Она походила на высокий женский ботинок, подошву которого пересекали тонкие дентино-эмалевые пластинки.

Челюсть мамонта (зубы)

– Вот! – Донилин прижал ее к влажному суглинку. – Я ее на песок поставил...

– А она пошла! – вставил Кеша. – Сама!

– Точно! Сама! – Донилин наивно таращил зеленые глаза. – Я только помог ей маленько. Кеша и Виталий смеялись, но Нюкжин не мог оторвать взгляда от "штуки".

– Зуб мамонта, – сказал он. – Очень ценная находка. Как Вы нашли его? Кеша был очень польщен таким вниманием.

– Пошел я вдоль озера, – начал рассказывать он. – Здесь, неподалеку кустарник к самой воде подходит. Сделал заборчик, сижу. Часа в четыре опустилась стая...

– Меня зуб интересует, – не утерпел Нюкжин.

– Я и говорю... Подстрелил несколько штук, а ветерок в ту сторону. Надо бы, конечно, лодку надуть, да держать наготове...

– Кеша!... – взмолился Нюкжин.

Но Кочемасов не мог иначе. Он должен был рассказать все по порядку.

– Я озеро обошел, а там бугор и отмель под ним. А на отмели навалом костей. Самых разных. И здоровенный бивень из земли торчит.

– Иван Васильевич! Мы сходим за бивнем? – вмешался Виталий.

– Я такие места встречал, – продолжал Кеша. – Не часто, но встречал. Однако не пойму: почему их там такая куча? Прямо кладбище!

Бивень мамонта

– Это и есть "мамонтовое кладбище", – сказал Нюкжин. – Поедем туда после завтрака. Все кости надо собрать, особенно зубы.

Суп-лапша из уток с небольшой добавкой картошки мог бы отвлечь от любых мыслей. Но мамонтовое кладбище!..

Нюкжин торопливо обглаживал утиные косточки и думал лишь о том, что удача набрести на него выпадала далеко не каждому.

Они быстро сняли лагерь и объехали озеро.

– Вот здесь, под обрывом, – указал Кеша.

Нюкжин пошел по отмелому берегу. Он хотел для начала просто осмотреть его, но уже через несколько шагов остановился и присел на корточки. Из под илистых наносов проглядывали витиеватые узоры, подобные древнеарабским иероглифическим письменам.

Нюкжин осторожно очистил их пальцем. Эмалевые узоры заблестели на солнце.

– Похоже на зубы лошади, – сказал Кеша. Он стоял наклонясь над Нюкжиным, стараясь понять, что заинтересовало начальника.

– Это и есть челюсть лошади, только древней, – подтвердил Нюкжин.
– Ясно, что древней, – сказал Кеша. – Сюда от Колымы на лошадях сейчас не ходят.
– Древней, это значит что ей двадцать-тридцать тысяч лет. А то и все шестьдесят!
– Ну-у? – удивился Кеша.
– А вот рядом еще зубы... И кости. Тоже лошади... А вот обломок рога древнего оленя...
Было еще множество других костей – берцовые и тазобедренные, обломки ребер и черепов, и зубы мамонтов и лошадей.

Нюкжин не удержался, начал подбирать наиболее интересные находки. Вскоре он уже прижимал к груди целую охапку и наблюдательный Виталий спросил:

– Бивень, я знаю, ценится. А какой прок от зубов?

– Бивень, как раз, научной ценности не представляет, – наставительно сказал Нюкжин. – А по зубам определяют тип животного и, следовательно, возраст пород в которых они захоронены.

Бивень мамонта

– Тогда мы отпилим бивень? – спросил Виталий.

Варварство, конечно! А как запретить?

Виталий побежал к вездеходу за пилой. А Нюкжин продолжил поиски. На отмели подбирали каждый зуб, каждую косточку, промаркировали, обложили технической ватой, запаковали в бумагу и уложили в ящики. Затем Нюкжин расчистил и обследовал обрыв, описал его и отобрал образцы.

Донилин напомнил:

– Давайте обедать. А то сами костями ляжем.

Да! Кешины утки не продержались и до полудня. Однако к пяти часам отобедали. Настроение было приподнятое.

– Поедем? – предложил Нюкжин. – Время есть.

– Поедем, – поддержал Кеша. – А то вроде лагерь зря снимали.

– Еще скважину успеем пройти, – добавил Донилин.

После такого удачного дня сидеть в мягком кресле вездехода, мчаться вперед, ощущая скорость и дорогу, и – как поется в песне – "в глубь породы взглядом проникать"...

Исследователей давно занимала причина массового захоронения костей крупных животных. Одни считали, что они тонули в оттаявших после ледникового периода суглинках, другие, что их захватил врасплох потоп, третьи, что причина гибели – болезни.

Вездеход встряхивало, сбивая мысли с логического хода. Место стало холмистей. Стланник накатывался мохнатыми бурными валами. Вездеход сходу подминал их и мчался вперед. Нюкжин привычно отмечал на карте приметные пункты. Кочемасов с кабины вездехода корректировал направление. По морской терминологии он исполнял обязанности "вперед смотрящего". Вот и сейчас в раме лобового стекла показалась его рука. Она сигнализировала – возьми левее! Виталий свернул ближе к сопке, но там оказался крупный кочкарник, торчали обломки полусгнивших деревьев. Машину, несмотря на гусеничный ход, встряхивало. Виталий и Нюкжин стукались головами о верх кабины.

Нюкжин после каждой встряски неизменно возвращался к вопросу: "Почему их такая куча?". Геологические наблюдения следов потопы не находили... Неужели тонули? Массами?!.. Фантастическая гипотеза, хотя если посмотреть вокруг...

Виталий снова вырулил туда, где казалось ровнее и чище. Тогда рука постучала по ветровому стеклу, что означало: остановиться! Виталий взглянул на Нюкжина и продолжал ехать. Ему надоели бесконечные команды, а начальник молчал. Ему не пришло в голову, что начальник задумался.

– Стой! Стой! – заорали сверху в два голоса Кеша и Донилин и забарабанили по крыше кабины.

– Остановите! – рефлексивно выкрикнул и Нюкжин.

Но, поздно! Вездеход разорвал бурю пелену стланника, с разгона выскочил на поросшую травой чистину и... провалился!

Сверху в два голоса неслось нечто "не переводимое", снизу подступала вода.

"Только бы кузов не потек", – подумал Нюкжин, сразу возвращаясь к реальностям жизни.

Вездеход качался на плаву в маленьком, заросшем травяной ряской озерке.

– Давай назад! – неслось сверху.

Виталий переключил скорости. Вездеход, загребая гусеницами, медленно подплыл к берегу и уперся в него.

– Давай вперед! – неслось сверху.

Теперь Виталий не перечил. Но и впереди берег озерка оказался крутым, вездеход выбраться не мог.

Сели... Только бы кузов не потек...

Сверху объясняли Виталию кто он есть, все на том же непереваемом диалекте.

– Ладно. Бывает! – сказал Нюкжин. – Только дверцу не открывайте. Зальет!

Виталий промолчал, но по его лицу Нюкжин прочитал: еще один учитель нашелся...

Крышка верхнего люка не поддавалась. Нюкжин постучал по ней.

– Эй! Что там держит?

– Тренога, – ответил Кеша. – Сейчас освободим.

"Сплошное нарушение техники безопасности, – подумал Нюкжин. – Если бы лодка кузова потекла, он и Виталий не успели бы даже выскочить...". Наконец он вылез наверх.

– Плаваем, как дерьмо в проруби, – невесело усмехнулся Донилин и "добавил" в адрес Мерипова.

– Выберемся! – убежденно сказал Кеша.

Нюкжин тоже полагал, что они выберутся. Такое случалось не впервые. Конечно, не сахар сидеть в яме с водой, но и особенно голову напрягать не надо. Техническая задача...

– На самовытаскивании? – спросил он.

– Зацепиться не за что. Попробуем на бревне, – взял инициативу на себя Кеша.

– Точно! – поддержал его Степан. – Здесь мелко.

Угнетенный лиственный лес располагался на соседнем бугре, метрах в двухстах от них. Топоры лежали у задней стенки – с них начинался любой лагерь. Но теперь доставать их приходилось не с земли, а с крыши кузова. Виталий отстегивал брезент, концы которого заливала вода. Но у него не получалось.

– Пусти!

Кеша свесился вниз головой. Он расстегивал застёжки, а Степан держал его за пояс, чтобы не "нырнул". Наконец, он достал топоры, распрямился. Лицо у него было багровое и злое. Затем он и Долинин перебрались на землю и пошли к лесу. Нюкжин последовал за ними.

Сначала простирался высокий кочкарник. По колено. Приходилось поочередно вздергивать ноги. Внизу чавкало мокрое болото. Под холмом стало суше. Но здесь густо рос кустарник – карликовая березка, по прозвищу "штанодер". И лишь на вершине холма, большей частью мшелога, Нюкжин смог вздохнуть относительно свободно.

Пока он добирался до холма, Кеша и Степан уже свалили две листовки метров по двадцать. Выше здесь листовницы не росли. Из торцевой части вырубил бревно – два, два с половиной метра каждое. Отсекли тонкие вершинки. Сучья не обрубали.

Нюкжину бревно листовницы не показалось тяжелым. Но идти с бревном по кочкарнику?!..

Кеша поспешил к нему.

– Иван Васильевич, оставьте! Я донесу.

Нюкжин пробовал протестовать.

– Возьмите вот слегу...

Кеша сунул ему в руки длинную листовку, а сам снял с его плеча бревно и пошел по кочкам, по кустарнику. Казалось бревно пригнет его шуплую фигурку. Но, нет! Кеша тащил бревно шустро, как муравей соломинку. Нюкжин со своей жердью, более легкой, хотя и менее удобной, не поспевал за ним. Следом тащил второе бревно Донилин.

Виталий сидел на крыше кабины, как потерпевший кораблекрушение. Тихонько стучал мотор, pompa на всякий случай качала воду, понемногу проникавшую в кузов.

Кеша сбросил бревно на краю ямы и крикнул:

– Давай!

Виталий скрылся в люке и тотчас гусеницы, словно лопасти водяной мельницы, пришли в движение, вздымая густую муть со дна. Вездеход прижался носом к берегу, но корма его ходила по сторонам, что означало – вездеход на плаву.

– Не поможет бревно, – сказал Нюкжин.

– Попробуем. – ответил Кеша. – Берег подкопаем, жерди подсунем.

Лишь бы передние траки зацепились.

Он обхватил бревно тросом и стал крепить в натяг к гусенице, которая едва выступала из воды. Балансируя на закрылке, он одной рукой забивал "палец" трака, крепя им трос к траку, другой держался за бортовой крючок. Донилин делал тоже самое с другой стороны вездехода.

Нюкжин попытался срыть берег, сделать его ниже, положе. Но, как только лопата сняла кочкарник и слой тонкого мерзлого торфа, как тотчас звякнула о лед.

"Еще хуже! – подумал он. – За лед траки не зацепятся".

Кеша тоже нахмурился.

– Жердей надо побольше. Придется еще раз сходить.

Они сходили еще раз, закрепив вездеход веревкой за большую кочку, чтобы не отплыл от берега.

Наконец все было подготовлено.

– Ну, давай! – скомандовал Кеша.

Взвыл мотор, гусеницы стали проворачиваться, подгребая под себя бревно. Вездеход приподнялся: бревно зацепилось за подсунутые под него жерди и машина подалась вперед.

– Давай! Давай! – кричал Донилин.

Но за лед траки не цеплялись. С хрустом ломались одна за другой жерди. А бревно, привязанное спереди, вынырнуло позади вездехода.

– Стой!!! – выкрикнули одновременно три плотки.

Мотор сбросил обороты, вездеход закачался на плаву. Рядом качались всплывшие обломки жердей.

– Попробуем назад? – спросил Нюкжин.

– Попробуем...

Но и на тот берег, с которого они "съехали", выбраться не удалось. Одежда намокла. В сапогах хлюпала вода. Руки у Нюкжина висели как плети. Пусть основную работу делает не он, но сколько ее – вспомогательной! Достань,.. поднеси,.. подкопай,.. подсунь... Еще раз подсунь,.. да не туда!.. И – мать!..

В такой работе уже никто не замечал, кто начальник, а кто подчиненный. Команды подавал Кеша. Остальные их выполняли. Но дно ямы оказалось слишком илистым. И бревно, и подсунутые под него жерди только вздымали густую бурую муть. Вода стала коричневой.

– Не получается, – наконец сказал Кеша. – До дна не достать. Придется на самовытаскивании.

– А за что трос крепить? – спросил Донилин. До ближнего пенька метров сто.

– Лом забьем, – сказал Кеша.

– Соскочит трос.

– Так забьем, чтобы не соскочил.

– Ну, давай, попробуем.

Они взяли лом и кувалду, отошли шагов двадцать. Лом прошел кочкарник и уткнулся в лед. Донилин "высказался" и они перешли на другое место. С четвертого захода удалось забить лом.

– Жерди нужны. Придется еще раз сходить, – сказал Кеша.

Казалось, уже никаких сил. Но они сходили. Волочить жердь, которая цепляется всеми ветками за кустарник?!.. Они приволокли. Три жерди.

– Покурим? – предложил Донилин.

– Покурим.

Они сидели на жердях и курили. Молча. Потом Кеша кинул окурок в воду.

– Начали!

Жерди подсунули под гусеницы. Трос привязали – одним концом за лом, другим за "звездочку", ведущую гусеницы вездехода. Загудел мотор, звездочка пришла в движение и... Нет, трос не соскочил с лома, просто он выдернул его, как спичку из песка.

Донилин опять выразил свое мнение – о болотах, о методе самовытаскивания, о Мери-пове. Кеша молча пошел забивать лом. Теперь он выбрал место чуть подалее и за большой кочкой. Лом он загнал не просто с наклоном, а под кочку, под сорок пять градусов.

Давай бревно! – крикнул он. – И топор!

Нюкжин и Донилин подтащили тяжелое намокшее бревно. Кеша прорубил в нем желоб и положил под трос между кочкой и ломом. Бревно тоже частично налегало на лом.

– Вот! – удовлетворенно сказал Кеша. – Теперь и лом не выдернет, и трос не соскользнет.

Он говорил так уверенно, что Нюкжин поверил – Кочемасов вытащит!

Мотор заработал на малых оборотах. Звёздочка начала вращаться, наматывая на себя трос. Вот трос натянулся. Лом подался, шевельнулось бревно...

Но лом не выскочил, а вездеход вздыбился, заскользил по льду юзом, будто его волокла нечистая сила. Лед, тот самый лед, за который не могли зацепиться траки, теперь играл добрую роль – он уменьшал трение! И вот, вездеход перевалил через бровку берегового уступа, клюнул носом, зацепился траками за кочкарник и одержимо рванулся вперед.

– Пошел! Пошел!

Нюкжин не слышал: он ли кричит? Или Кеша? Или Донилин?

Кричали все трое. А вездеход уже мчался на полной скорости и прямо на лом.

"Что делает? – мелькнуло у Нюкжина. – Пропорет лодку!"

Лом рвануло. Он вылетел из под кочки, отлетел в сторону. Конец троса хлестал по звездочке, по борту вездехода. Нюкжин и Кочемасов бежали за машиной. Донилин оказался впереди. Он пятился, падал, вскакивал, снова пятился, показывая руками – на себя, на себя, – и кричал:

– Вперед, славяне! Вперед!

Виталий рвал машину рывками и она совершала невероятные скачки, словно подпрыгивала. А болото ходило ходуном: вверх-вниз,.. вверх-вниз... Если вездеход остановится, не миновать ему провалиться снова.

– Вперед, славяне!

Вездеход выкатил на бугор и остановился. Подбежали и Нюкжин с Кешей. Все трое тяжело дышали. От Донилина валил пар. Виталий распахнул дверцу, соскочил на твердую землю. Он был бледен.

– Живы, славяне! Живы! – ликовал Донилин. – Порядок в танковых частях!

На нем не было сухого места.

– Переоденься, – посоветовал ему Нюкжин, яростно растирая указательным пальцем подбородок.

– Ничо! – ответил Степан. Дальше следовала запутанная фраза, из которой, если опустить непередаваемые слова, явствовало, что переодеться он успеет, а вот "стопарик" сейчас бы "самое хорошо!" Если бы у Нюкжина имелось, а по технике безопасности полагалось иметь "НЗ", он поставил бы не то, что "стопарик", целую бутылку. Но разве с такими как Донилин запас мог быть "неприкосновенным"?

– Переоденься, – повторил он. – А бутылка за мной.

Приподнятое настроение Донилина просилось наружу.

– Кеша! – распорядился он. – Посмотри, начальник говорит за ним поллитра стоит! Кеша осклабился.

– Она не стоит. Она закопана. До приезда.

Эти люди еще имели силы шутить.

К лицу Виталия возвращался прежний цвет.

– Поедем? Или здесь встанем?

Солнце уже держало путь от горизонта. Они провозились за полночь. Ребята осунулись. У Кеши четче обозначились скулы. Донилин казался стройнее, его пивной живот убрался куда-то под рубаху.

"А как я выгляжу? – подумал Нюкжин. – Наверное, тоже хорош!"

Если бы он мог посмотреть на себя со стороны, то в первую очередь увидел бы грязную робу, тяжелый подбородок, глубоко запавшие глаза и слипшиеся волосы, уже не скрывавшие обозначившиеся залысины. А на взгляд своих товарищей, он выглядел просто постаревшим.

– Поехали, – сказал Донилин. – Не место здесь.

– Далеко еще? – спросил Кеша.

– Километра три.

– Тогда лучше ехать.

– Мокрые же...

– Обсохнем.

– Ну, хорошо. – согласился Нюкжин. – Поехали.

Удивительно, но он испытывал прилив сил. Собственно, что произошло? Ну, провалились! Ну, выбрались!.. Издержки производства.

И когда вездеход взял с места, встряхивая и подбрасывая на кочках, с удовлетворением подумал: "До чего легко с ними, когда они вместе, и до чего трудно, когда каждый из них сам по себе".

На ночлег встали, когда стрелки показывали около четырех часов утра. Автоматически поставили палатку, одну на троих – Виталий, по-прежнему, ночевал в вездеходе. Сварили макароны и заварили чай. Нюкжин ел без аппетита. Спать! Все остальное казалось малозначительным.

Палатка 6-местная

Встали около часу. Умылись в озере, вода взбадривала. Без суеты приготовили обед, коллективно. Сидели у костра, словно спешить уже некуда. Пили крепкий, кирпичного цвета чай. Ими еще владели и усталость и возбуждение. Донилин материл Виталия, но вяло, не по-донински. Кеша держал его сторону.

Тем бы и кончилось, если бы Виталий не вздумал оправдываться.

– Ехать не надо было, – сказал он. – Солнце к порогу, а мы в дорогу.

– Паром на середине реки не останавливают, – задумчиво ответил Кеша.

– В Конституции записано: восьмичасовой рабочий день!

– Ну, ты-то, не очень вспотел за этот день, – поднял голову Донилин.

– А хоть и не вспотел. Не на сдельщине, чтобы надрываться.

– А если на сдельщине? Тогда как с Конституцией? – зло спросил Кеша.

Мерипов промолчал. То ли не нашел, что сказать, то ли не посчитал нужным.

А Нюкжин подумал, что Виталий не так уж неправ. Если бы они работали как положено, по восемь часов в день, не было бы такого напряжения, такой усталости. Возможно, тогда бы Виталий и не просмотрел злополучную яму.

Но и согласиться с Мериповым было трудно. Закон определяет норму рабочего дня, но не запрещает превышать ее. Разумеется, когда это необходимо и с согласия исполнителя. А сейчас как раз такой случай, когда абсолютное требование букве закона абсурдно. К тому же, не могли же они трое остановиться из-за одного человека. Нет, не могли! Этот один должен был подчиниться. Должен! Несмотря на его права.

И поскольку Нюкжин не мог сейчас вынести окончательного суждения, он сказал примирительно:

– Не стоит ругаться. Ту лужу и я не видел.

– Ему же сигналили, – сказал Кеша. – Куда ехал?

– Ты знаешь, а он первый раз.

– Первый!.. Он за длинным рублем ехал, – хмыкнул Донилин.

– А ты за каким рублем? – зло сорвался Виталий.

– Я свое дело делаю, – отпарировал Степан. – А ты еще раз вмажешься, сам будешь вытаскивать.

Нюкжин посмотрел на Кешу – ведь обещал воздействовать! Но тот повернулся к Степану, не замечая взгляда начальника.

– А ты не будешь? – спросил он.

– Не буду! – убежденно мотнул головой Степан.

– Смотреть будешь?

– Смотреть... Как он пупок надрывает.

– Со стороны?

– Со стороны!

– Когда?

– Что когда?

– Врать перестанешь?

Донилин обалдело посмотрел на Кешу.

– А ты?.. Вытаскивать будешь?

– Буду. Вместе вытаскивать будем.

– Иван Васильевич! – вдруг спросил Виталий. – а если б не выбрались, тогда как?

– Вызвал бы вертолет. По рации.

– А вездеход? Бросили бы?

– Я думаю, "МИ-8" его вытащил бы. Хотя, случается, бросают.

– Все так просто?

– Не так просто, но и не так сложно. Это землепроходцы шли в одиночку. А за нами во все глаза глядят.

– То-то я смотрю, Вы совсем не волновались.

Если бы он знал!

Предстояло еще пройти скважину, но никто не торопился.

– Отдохнем сегодня, пожалуй, – сказал Нюкжин.

– Может баньку соорудим? – предложил Кеша.

– Неплохо, да ведь устали.

– А много ли надо на баню? – сказал Кеша и добавил, словно они только что не ругали Мерипова. – Съездим с Виталькой. Не на себе же!

Баньку хотели поставить на пожоге. На сухом месте разложили костер, но он почти сразу подошел водой. Тогда место очистили от угольев, накидали на теплую лужу порубленные кусты карликовой березки и на нее постелили тент. Сверху натянули старенькую палатку, специально припасенную для бани. Внутри поставили железную печку, нагрузили на нее запасные траки.

Донилин растопил печку, занес в палатку два ящика, таз и ковшик.

– Ну, жара! Веником березовым дышит, – доложил он, вылезая из палатки. – Кто первый?

– Иван Васильевич! – предложил Кеша.

– Я потом, – вежливости ради отказался Нюкжин.

Тогда – я! – сказал Кеша.

Он снял с костра ведро горячей воды, отнес в баню. Потом другим ведром зачерпнул из озера. Положил у входа чистое белье, полотенце и стал раздеваться. Снял измызанную в грязи рубашку, скинул резиновые сапоги и брезентовые штаны. Последней он снял тельняшку, незабвенную память о флоте, на котором служил мотористом.

– Эх, веник забыл!

– Я принесу, – сказал Донилин.

Нюкжин впервые видел Кочемасова без одежды. Его тело поражало мускулистостью: казалось, что руки, ноги, мышцы груди и живота свиты из одних узлов. А смуглая кожа, похоже, еще держала прошлогодний загар.

Кочемасов отдернул входную полу и исчез в палатке. Донилин принес и бросил ему туда березовый веник. Листва на березках была еще прошлогодняя, бурая, местами красная и веник походил на те, что специально сушат на зиму. Словом, это был добрый березовый веник!

За полотнищем послышался всплеск воды, урчанье. Из всех дыр в палатке повалил пар. Палатка заходила ходуном, словно в ней ворочался медведь. В конце концов входные полы распахнулись и Кеша с разбега кинулся в озеро. Он только окунулся, как тут же выскочил на берег и, яростно отмахиваясь от комаров, стал обтираться махровым полотенцем.

– Хорошо? – спросил Нюкжин.

– У-ух! – выдохнул Кеша.

– Кто следующий?

– Я – последний. – сказал Донилин.

– Идите Вы! – предложил Виталий.

Нюкдин не стал отказываться.

– Я, так я!

Пример Кости раззадорил его, хотя купаться в озере?.. Нетушки!

В банной палатке Нюкжин подложил дров в печку, огляделся. Один ящик служил подставкой под таз, другой – сиденьем. Брезентовый пол, влажный и теплый, живоительно ласкал босые ноги.

Пламя вспыхнуло с новой силой, в трубе загудело. Железные бока печки начали краснеть. Траки впитывали жар.

Нюкжин плеснул на них водой из ковшика и волна тропического влажного жара обдала тело. Горячая сырость, сгущаясь под потолком, давила на плечи. Он присел на корточки: "Ну, греет!"

Воздух в палатке пропитался ароматом распаренного березового листа. Нюкжин глубоко вдохнул его запах, словно напился. Потом приподнялся, сел на ящик и налил в таз горячей воды. Попробовал и отдернул руку. Не вода, вар! Он разбавил ее и с наслаждением опустил в таз голову.

Горячая вода смывала не только многодневный пот, многодневную грязь, многодневную усталость. Она смывала напряжение минувшей ночи, возвращала бодрость и уверенность.

Нюкжин плескался и фыркал, бил себя веником до покраснения. А когда жара и духота стали нестерпимыми, обдался холодной водой из ведра, что стояло у порога. Вода не показалась ему студеной. Она ласкала разгоряченное тело. Но комары! Они только и ждали, когда он выйдет.

Нюкжин взялся за полотенце.

– Хорошо! Ох, хорошо! – приговаривал он, словно ему могли не поверить.

Одновременно он отмахивался от комаров. Но не выдержал и полуодетый побежал в палатку.

День закончился так быстро, будто его вычеркнули из календаря. И, все-таки, было в этом дне что-то нужное. Они уплатили дань болотам! Суеверие? Ну, пусть они уплатили за "науку". Главное, не увязли. Главное, что еще одна трудность – "романтическая", нет, обыкновенное "ЧП" – позади. Сколько таких "ЧП" уже было на их пути. То нет труб, то мастер в запое, то наводнение, то авиация... Личная несовместимость тоже трудность не последнего значения. Но все они поочередно остаются за спиной, а Дьяска все ближе. Только не угадаешь: кончатся ли там трудности? Скорее всего, одни кончатся, а другие начнутся.

Глава 3

А впереди уже маячила Дьяска. Они пересекли Южную часть Колымской низменности от Юкагирского плоскогорья до отрогов Алазейских гор. Нюкжин договорился еще в Зырянке, что Сер-Сер пришлет техника-радиста с картой и рацией, он и перегонит вездеход в Средне-Колымск. А его, Нюкжина, тем же бортом перебросит на Седёдему – основной объект полевых работ сезона. Ребятам достанется! Земля уже оттаяла, кругом полно воды и ловушек, вроде "их" ямы. Но пока что они ехали, словно действительно уплатили дань болотам и тем обеспечили себе спокойную дорогу.

Конечно, они устали. Каждый день с утра до ночи! Изменилась и обстановка. Теперь она характеризовалась одним словом – грязь! Мокрая грязная земля, заляпанный суглинком вездеход, в грязи одежда, сапоги. А сами они словно и не видели баню. И досаждали комары. Их полчища висели в воздухе, застилая солнце. Как только вездеход останавливался, они набрасывались на людей, пренебрегая запахами бензина и желез.

– Кого они жрут, когда нас нет? – удивлялся Виталий.

– Они не жрут, они закусывают, – объяснял Донилин. – Мы для них деликатес!

– Без комара тайга уже не тайга, – рассудительно утверждал Кеша.

Трудно было понять откуда они появлялись. Их рождали каждая травинка, каждый листик. Они не давали спокойно поставить палатку, поесть, заснуть, а о том, чтобы отойти в кусты и говорить нечего. Спасались от них кто как мог. Виталий немилосердно мазался деми-тилом, отчего его лицо и борода постоянно масляно лоснились. Донилин курил подмоченную махорку, дым которой не выдерживали не только комары, но и люди. Нюкжин не снимал накомарник, поминая тех, кто его делал. Накомарник мог пригодиться разве что для непродолжительных прогулок по подмосковью. Один Кеша оставался невозмутимо нечувствительным. Лишь во время трапезы, когда комары лезли прямо в рот, он отмахивался от них рукой.

И только озера голубели чистым открытым взглядом. С воды веяло ветерком и, если лагерь стоял на берегу, комары беспокоили не так сильно. Но озера уже встречались редко.

Река Дьяска протекала по местности не похожей на Колымскую низменность. По ее берегам возвышались невысокие сопки. Долина хотя и мшелая, но не болото. А вода проточная, чистая. Она бежит вниз, к Седёдеме. А Седёдема – к Колыме! Дьяска всего лишь "веточка" на "дереве" Колымы. Но как хорошо дойти до Дьяски!

Стоянка у реки

Они ликвидировали отставание по срокам и скважин прошли полторы нормы. А все-таки грустно. И ребята притихли. Другие перед завершением работ начинают вольничать: мол, кончилось твое время, начальник! А эти притихли.

Последний лагерь поставили на сухом месте, у проточной воды. Палатку Нюкжину, палатку Кеше со Степаном. Виталий сказал, что по прежнему будет ночевать в вездеходе. Натянули антенну. Выбрали место для бурения, но бурить не стали. Они приехали, спешить некуда. Даже на вечернюю связь Нюнжин не вышел. Все – завтра! А сегодня пусть душа отдохнет!

Ночью Нюкжин впервые спал безмятежно. И Донилин не разбудил. Курорт! Но проснулся как обычно – без четверти семь. Подсоединил блок питания, потрогал рычажки настройки. Сразу поймал знакомые голоса. Переговаривались начальники соседних партий – Егоров и Козельский. Разговор шел о доме. И Нюкжин вдруг ощутил, что скоро борт, а с ним и письмо. Да! Пожалуй самое трудное – ждать письма!

На Большой Земле никак не могут понять, что писать надо чаще. И не бранить полевиков за молчание. Отсюда, с Колымской низменности не докричишься.

В трубке радиотелефона зашуршало и голос Прохорова, без объявления позывных, сразу сделал "втык" Егорову и Козельскому за личные переговоры на рабочей волне и в неурочное время. Потом Прохоров дал, как обычно, свои позывные и спросил:

– Кто на связи?

В эфире поднялся галдеж. Со всех сторон неслись позывные полевых отрядов. Как Прохоров различал кто есть кто, оставалось загадкой. Но Прохоров различал. Вот и сейчас:

– Внимание! Внимание! Работает радиостанция РСГТ! Всем быть на связи... – Легкая пауза. – РЗПС! РЗПС! Как слышите? Прием.

"Первым зовет", – подумал Нюкжин и включил передатчик.

– РСГТ! РСГТ! Здесь РЗПС! Слышу нормально. Прием!

Голос Прохорова: – Доброе утро, Иван Васильевич! Как у Вас погода?

Дежурный вопрос. Погоду спрашивали у всех, независимо, направлялся к ним борт или нет. Но Нюкжин решил, что борт будет к нему.

– Погода отличная, – ответил он. – Видимость миллион на миллион. Прием!

Голос Прохорова: – Примите радиограмму...

Прохоров диктовал быстро, четко, повторяя некоторые слова по два раза. Нюкжин торопливо записывал. Сер-Сер предлагал ему перегнать вездеход в Средне-Колымск своими силами.

– ...Как поняли? Прием! – завершил передачу Прохоров.

– РД принял, – дал "квитанцию" Нюкжин. – Но что значит "своими силами"? Прием.

Голос Прохорова: – Не знаю, Иван Васильевич! Передаю как в РД. Что у Вас ко мне? Прием!

Прохоров считался самым осведомленным человеком в экспедиции. Его "не знаю" говорило лишь, что он не хочет вмешиваться в дела Фокина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.